

Васьковский Е. В.

БУДУЩЕЕ РУССКОЙ АДВОКАТУРЫ
К вопросу о предстоящей реформе¹

---

¹ Данная работа вышла в 1893 г. Е.В.Васьковский на рубеже XIX-XX вв. был известнейшим русским юристом, доктором гражданского права (с 1901 г.). Им были написаны "Организация адвокатуры" (СПб, 1883), "Учебник гражданского права" в двух выпусках (1894-1896), "Основные вопросы адвокатской этики" (1895).

Со дня на день откладываемая реформа русской адвокатуры, по всей вероятности, близка к осуществлению.

В другом месте¹ мы старались показать на основании научного исследования принципов организации адвокатуры, что выработанный и ожидающий утверждения проект реформы, хотя и представляет собой шаг вперед, но все-таки должен быть признан недостаточным, так как касается только деталей организации, оставляя в силе основные принципы ее, которые, по нашему мнению, не соответствуют сущности и задачам адвокатуры. Ввиду того, что вряд ли есть надежда на коренную переработку проекта в указанном нами направлении и что без этой переработки нормальное развитие адвокатуры представляется нам невозможным, мы в настоящем очерке берем на себя смелость показать, какое будущее ждет нашу адвокатуру, если современная ее организация останется без изменения или будет преобразована согласно с проектом.

Наша адвокатура разделяется на присяжную и частную. Последняя уже и теперь достигла крайних пределов нравственной распущенности², а потому мы будем говорить преимущественно о сословии присяжных поверенных и только мельком взглянем на то влияние, какое может оказать проектируемая реформа на институт частных поверенных.

Современная организация русской адвокатуры основывается на следующих принципах: 1) совмещении правозаступничества с судебным представительством, 2) отсутствии прочной связи с судебной магистратурой, 3) относительной свободе профессии, 4) сословной организации (в меньшинстве округов) и дисциплинарной подчиненности судам (в остальных округах и в частной адвокатуры) и 5) определении гонорара по соглашению.

Посмотрим к каким последствиям способны привести в будущем эти принципы, как в своем теперешнем виде, так и с теми поправками, которые могут быть сделаны в них, согласно с проектом.

I.

Русские присяжные поверенные совмещают в себе две обязанности: правозаступников и судебных представителей. Они являются не только

---

¹ См. наше сочинение «Организация адвокатуры» 1893 г. Для лучшего понимания последующих рассуждений читателю было бы полезно предварительно прочесть 7 главу I части и 8 главу II части.

² «Организация адвокатуры» I, 359 и сл.

юрисконсультами и судебными ораторами, подобно французским и английским адвокатам, но и вместе с тем играют роль поверенных (стряпчих), порученную во Франции и Англии *авуэ* и *атторнеям* и заключающуюся в ходатайстве по делу, т.е. исполнении вместо тяжущихся всех решительно действий, которые необходимы при ведении процесса.

Деятельность нашей адвокатуры, таким образом, не ограничивается одной умственной, чисто юридической работой, а обнимает собой и весь черновой, ремесленный труд, начиная от собирания материала по делу и кончая исполнением решения. Совмещение в одном классе лиц этих двух совершенно разнородных обязанностей оказывает крайне неблагоприятное влияние на характер адвокатуры. Нельзя без ущерба для собственного достоинства и для интересов профессии быть в одно и то же время архитектором и каменщиком, врачом и больничным прислужником, литератором и газетным разносчиком, судьей и фактором по продаже домов. Между тем адвокат, исполняющий обязанности не только правозаступника, но и судебного представителя, находится именно в таком положении. С одной стороны, он ученый юрист с высшим образовательным цензом, слуга правосудия, помощник суда, равный прокурору, а с другой, - наемный агент частных лиц, сваливающих на него такую хлопотливую, неприглядную и даже прямо унижительную для его достоинства работу, как бегание по канцеляриям судей, приставов и полицейских управлений, опись и продажа с молотка последнего достояния запутавшихся должников и т.п. Если принять во внимание, что деятельность наших присяжных поверенных состоит преимущественно в занятиях последнего рода, отказываться от которых могут только звезды адвокатуры, то станет понятным тот факт, что уже и теперь господствующим классом адвокатов являются «практические дельцы, которые пледируют только иногда, по назначению суда, а главным образом действуют в конкурсах, занимаются взысканием по бесспорным документам и другими тому подобными вещами, требующими не столько познаний в области юридических и нравственных наук, сколько известной ловкости и юркости»¹.

Молодой юрист с университетским образованием, раз погрузившись в ремесленную тину ходатайства по делам, которая затягивает его, подобно зыбучему песку, очень скоро сживается с ее душной и затхлой атмосферой: по привычке ведь, говорит пословица, и в аду живут. Ловкость, пронырливость и юркость, необходимые ему при исполнении обязанностей судебного представителя для поимки ответчиков, вручения им повесток и

---

¹ Гребенщиков А.А. Задачи адвокатуры («Журнал гражданского и уголовного права» 1886, № 5, с. 2).

других документов, розыскания имущества должников и т.п., становятся вследствие частого применения обычными качествами его характера и переносятся им в сферу чисто юридической деятельности. Мало по малу он забывает, что его призвание - служить правосудию, и начинает служить исключительно интересам клиентов, всячески стараясь удовлетворять их требования и желания, как бы порой незаконны, несправедливы и безнравственны ни были они. Вместо того чтобы помогать правильному Отправлению правосудия, он пускается с развитой продолжительным упражнением опытностью на разные более или менее сомнительные уловки и подвохи с целью соблюсти выгоду своего клиента.

Такой метаморфозе способствует еще и другое обстоятельство. От ремесленного ходатайства по делам - один шаг до занятия маклерством, агентурами всякого рода, факторством и тому подобными видами посреднической деятельности, родственными судебному представительству, которое в сущности является ничем иным, как тоже посредничеством между тяжущимся и судом. Если адвокаты исполняют обязанности только правозаступников, как это принято во Франции и Англии, то они считают все подобного рода занятия несовместными со своим достоинством и избегают их. Но если правозаступничество совмещено с судебным представительством, то им нет решительно никакого основания поступать таким образом, так как и без того, в качестве судебных представителей, они являются именно агентами и маклерами своих клиентов при ведении их процессов. С легким сердцем принимают они за эти побочные занятия, не имеющие ничего общего с задачами адвокатуры, как служение правосудию, и развивающие еще в большей степени юркость и пронырливость в тех, кто им предается. И вот уже в настоящее время мы присутствуем при удручающем душу процессе измельчания и опошления русской адвокатуры. Уже и теперь многие присяжные поверенные практикуют в широких размерах систему этого совместительства, пагубного для достоинства и правильного развития адвокатуры; Без преувеличения можно сказать, что если бы строгие профессиональные правила французских адвокатов были введены у нас хоть на один день, то добрая половина присяжных поверенных подверглась бы исключению из сословия за занятие недозволенными видами деятельности. Что будет дальше, нетрудно предсказать.

Сословие присяжных поверенных размножается. С каждым годом; адвокатский заработок уменьшается; конкуренция становится все сильнее и сильнее. Волей-неволей адвокатам придется расширить и без того обширный список тех побочных занятий, которые увеличивают их средства к существованию.

Если теперь мы читаем в газетах о присяжных поверенных, состоящих

членами правлений и агентами торговых и промышленных обществ, если теперь мы видим присяжных поверенных, занимающихся маклерством, факторством и торговлей, а их молодых помощников встречаем в кассах коммерческих контор, то немного нужно времени для того, чтобы они распространили свою деятельность до открытия касс ссуд.¹

Хороших служителей будет иметь в них правосудие, в хороших руках очутится защита драгоценнейших прав граждан! Сколько бескорыстной гуманности, сколько доблестного мужества, сколько непоколебимой честности и любви к справедливости внесут адвокаты в отправление священной миссии правозаступничества своими возвышенными принципами и благородными взглядами, развитыми и изоощренными в занятиях факторством! И где все общество и отдельные граждане будут в состоянии находить более надежный оплот и более верное прибежище от опасности, грозящей самым дорогим для них благам: имуществу, свободе, чести и жизни, как не в том самом сословии адвокатов, члены которого станут на досуге, в промежутках между судебными заседаниями, предаваться просветительной деятельности содержателей касс ссуд?

Вот к каким результатам в состоянии привести и, увы, по всей вероятности, приведет, как доказано опытом Западной Европы², первый принцип организации нашей адвокатуры, - совмещение правозаступничества с судебным представительством. Перейдем теперь ко второму, - к отсутствию связи с магистратурой. В тех странах, где судьи и прокуроры могут быть избираемы из среды адвокатского сословия, адвокаты имеют перед собой заманчивую перспективу получить на старость почетное и материально-обеспеченное положение в рядах судебной магистратуры. Эта перспектива отвлекает их от преследования одной денежной наживы и поощряет к честному исполнению своих обязанностей.

Наши адвокаты лишены такой надежды. Хотя закон и дает право присяжным; поверенным, занимавшимся своей профессией известное число лет «быть определяемыми в члены окружного суда и прокуроры»³, но на практике это постановление почти никогда не применяется.

Вследствие этого, единственным стимулом, побуждающим наших адвокатов к деятельности, служит желание разбогатеть; единственной наградой за старательное исполнение профессиональных обязанностей является крупный заработок; единственная цель, к которой они могут стремиться, заключается в материальной выгоде.

---

¹ В Германии уже бывали случаи содержания адвокатами питейных заведений и даже с «женской прислугой». См. *Freudenstein: Partei und Rechtsanwalt*, 1884, 19.

² См. «Организацию адвокатуры», I стр. 276, 304, 370, 384, 390, 392, 393.

³ Уч. суд. уст. ст. 204 и прим. к 210.

Из этого ясно, что в то время, как совмещение правозаступничества с судебным представительством ведет к опошлению профессии, отсутствие связи с магистратурой дает еще дальнейший толчок по этому пути.

Третий принцип - относительная свобода профессии - заключается в том, что в сословие адвокатов принимаются все лица, обладающие определенным в законе умственным и нравственным цензом. Может ли это обстоятельство служить преградой падению сословия? Если принять во внимание, что университетское образование и практическая подготовка в качестве помощников присяжных поверенных, пользующихся по закону 1874 г. правами частных поверенных и стоящих особняком от сословия присяжной адвокатуры, вовсе не представляет собой той нравственной школы, которая в состоянии закалить молодого юриста и снабдить его твердыми принципами, необходимыми адвокату в практической деятельности, то нужно будет прийти к выводу, что относительная свобода профессии в том виде, как она принята в настоящее время в России¹, не заключает в себе ручательства в нравственной устойчивости лиц, поступающих в сословие адвокатов. Но этого мало. Свободный доступ к профессии, не стесняемый никакими искусственными преградами, неминуемо приведет, как это уже случилось на западе Европы, к переполнению сословия. Вследствие переполнения явится ожесточенная конкуренция, которая заставит адвокатов не только прибегать к разным более или менее неблагоприятным и предосудительным уловкам с целью привлечь клиентов, но и браться за посторонние занятия, так как одна адвокатура не в состоянии будет доставлять им необходимые средства к жизни. Таким образом, относительная свобода профессии окажет в конце концов влияние в том же направлении, как и два разобранных выше принципа.

Остается последняя надежда - на внутреннюю организацию сословия, именно на дисциплинарный надзор судов там, где он предоставлен им, и на облагораживающее влияние корпоративного самоуправления в остальных округах. О контроле судов едва ли стоит распространяться. Опыт Западной Европы и России несомненно доказано, что суды, являясь по отношению к адвокатам посторонним органом власти, нисколько не заинтересованным в поддержании достоинства и чести адвокатского сословия и не имеющим даже достаточно времени для зоркого наблюдения за его деятельностью, склонны ограничиваться чисто формальным надзором и преследовать только самые грубые проступки и то не по собственному почину, а по жалобам потерпевших лиц¹. Ввиду этого, оставив в стороне дисциплинарную подчиненность адвокатов судам, обратимся к сословному

---

¹ См. «Организацию адвокатуры», I, стр. 346 и след.

самоуправлению. Многие склонны видеть в нем универсальное средство против всех бед, грозящих адвокатуре. Печальное заблуждение! С равным правом можно было бы думать, что для уничтожения лживости и надувательства в среде торговцев, пьянства между сапожниками, дерзости извозчиков, лени празднующихся бродяг и нищих, мошенничества червонных валетов, достаточно дать всем этим категориям лиц сословное устройство, т.е. образовать из них самоуправляющиеся корпорации, коллегии и шайки. Это сравнение не так рискованно, как может показаться с первого взгляда. В чем, в самом деле, заключается сущность корпоративной организации? В том, что все практикующие адвокаты составляют в каждом судебном округе или даже при каждом окружном суде одну коллегию, что они сами обсуждают свои дела в общих собраниях и из своей среды избирают орган дисциплинарной власти - совет, который, в качестве товарищеского суда чести, следит за профессиональной деятельностью членов сословия и наказывает их за поступки, признанные им несоответствующими достоинству адвокатского звания. Отсюда видно, что главное значение сословной организации заключается в существовании товарищеского суда чести, в бдительном надзоре и строгом отношении его к прегрешениям коллег. Но из кого состоит этот суд? Из самих же адвокатов, избранных сословием по большинству голосов. Не очевидно ли, что он только в том случае в силах оказывать благотворное влияние на нравственность сословия, если будет составлен из порядочных и честных адвокатов, а это, в свою очередь, может произойти лишь тогда, когда большинством сословия являются опять-таки безукоризненные в нравственном отношении лица, своею численностью подавляющие злокачественные элементы. В противном случае, при перевесе на стороне элементов последнего рода, в состав совета войдут лица одинакового морального уровня с большинством, которому, само собой разумеется, нет никакого расчета избирать в совет лиц строгой честности и благородного характера.

Совет - часть сословия, плоть от его плоти, кость от его кости. Это - яблоко, которое никогда не падает далеко от своей яблони. Это горсть воды, зачерпнутая из резервуара, и не было еще такого чудака, который бы отправился за пресной водой к морю.

Панегиристы сословной организации, усматривающие в ней залог правильного развития адвокатуры, обыкновенно ссылаются на пример Франции, где эта система принесла богатые плоды. Но они упускают из виду, что там адвокатура процветала и пользовалась высоким уважением

---

¹ См. «Организацию адвокатуры», I, 340-342; II, 65-68.

правительства и общества в течении целых веков прежде, чем появилось корпоративное самоуправление, которое таким образом было, как справедливо указал еще немецкий писатель Ганс, не причиной, а следствием процветания. Парижские адвокаты в средние века подлежали дисциплинарной власти парламента; они сплотились между собой в XIV в. с целью образовать религиозную общину, и только с течением времени эта община переродилась сама собой в самоуправляющуюся коллегия, а ее орган - председатель (*batonnier*) получил дисциплинарную власть, которую впоследствии стал делить с депутатами сословия, образовавшими совет.¹ Законодательство ни единым словом не участвовало в этом процессе образования сословных учреждений; сами адвокаты, высоко ставя свою профессию и дорожа ее достоинством, соединились между собой для того, чтобы удалять из своей среды негодных членов и наказывать виновных в нарушении обычаев и правил, установившихся в их среде.

Итак, сословное самоуправление и дисциплинарная власть товарищей способны привести к благотворным результатам только при том предположении, что преобладающее большинство членов сословия стоит вполне на высоте нравственных требований своего долга. Тогда действительно корпоративная дисциплина в состоянии предохранить сословие от деморализации. Другими словами, корпоративное устройство не в силах облагородить профессии и вдохнуть более возвышенные идеалы в сердца адвокатов; оно может только поддержать уже существующее достоинство и предотвратить падение стоящего высоко сословия. Корпоративное устройство это запруда: она удерживает полноводную реку на требуемом уровне, но не в состоянии остановить обмеления ее истоков.

Возможно ли при таких обстоятельствах ждать от него спасения для нашей адвокатуры? Если уже и теперь преобладающим типом русского адвоката является юркий дельец, преследующий в своей деятельности только материальную наживу, то странно надеяться, что соединение таких дельцов в состоянии создать сословие, стоящее в нравственном отношении выше каждого из своих членов в отдельности: из стеклышек не выйдет жемчужное ожерелье.

Из всего сказанного следует, что если бы наши присяжные поверенные так же ревниво относились к достоинству своей профессии, так же старательно оберегали ее от посторонних примесей и так же высоко стояли в общественном мнении, как французские адвокаты в средние века, то сословная организация принесла бы у нас не менее плодотворные результаты, чем и во Франции. Но на самом деле ничего подобного нет;

---

¹ См. «Организацию адвокатуры», I, 89, 90, 105-107, 279.

наоборот, наша адвокатура, взятая в целом, отличается совершенно противоположными качествами. И если еще, возвращаясь на минуту ко второму принципу организации - относительной свободе профессии, мы вспомним, что, благодаря ей, сословие адвокатов пополняется ежегодно новыми членами, не проходящими почти никакой нравственной школы адвокатуры, то должны будем прийти к заключению, что сословное устройство не представляет гарантий против деморализации.

Но это далеко не все. Самоуправление в адвокатуре, как и в других сферах, сопряжено с особыми опасностями. На сколько оно полезно и благотворно, когда большинство сословия безукоризненно в нравственном отношении, настолько оно пагубно, если преобладание оказывается на стороне лиц противоположного типа. Чтобы пояснить нашу мысль, возьмем пример. Представим себе две коллегии адвокатов: одну, состоящую преимущественно из лиц с высоким нравственным уровнем, а другую - с низким. Каждая из них избирает по большинству голосов совет. Само собой понятно, что в состав этих советов войдут люди одинаковых нравственных качеств и понятий с большинством коллег. Члены первого совета, как люди честные и строгих правил, будут зорко следить за деятельностью своих коллег, налагать за их проступки суровые наказания и беспощадно исключать из своей среды всех недостойных. Совсем иначе станет поступать второй совет. Как могут его члены относиться строго к своим товарищам, когда у них самих «рыльце в пушку»? Как могут они наказывать их за такие прегрешения, которые сами совершали не раз? Пользуясь временно дисциплинарной властью и боясь, что в будущем она перейдет к другим коллегам, которые отомстят им за строгое отношение, так как всегда найдут к тому достаточный повод в их поступках, такие члены быстро усваивают себе принцип: «не суди и судим не буде-ши», а равным образом и правило: «рука руку моет». Этим объясняется та, на первый взгляд, странная снисходительность наших адвокатских советов, которая побудила хроникера «Журнала гражданского и уголовного права», разбиравшего отчеты одного совета, воскликнуть: «интересно знать, что следует совершить харьковскому поверенному, чтобы заслужить исключение из сословия?»¹

Несомненно также, что подобное халатное отношение к поддержанию внутренней дисциплины способствует дальнейшему падению сословия. Ступени безнравственности стоят слишком близко одна к другой, чтобы спускаться по ним было сколько-нибудь затруднительно. Если уже в настоящее время советы, карая такие позорящие честь сословия профессиональные преступления, как обман клиентов, участие в фиктивных

---

¹ «Журнал гражданского и уголовного права». 1891, № 10, с. 193.

делках, ложные заявления на суде и даже присвоение денег доверителей, не идут дальше выговора и временного запрещения практики, то можно ли поручиться, что в недалеком будущем все эти деяния не станут наказываться одними платоническими предостережениями?¹

Таким образом, корпоративная организация, сама по себе, не только не в состоянии удержать сословие от нравственного падения, но, напротив, может при неблагоприятных обстоятельствах еще более ускорить его².

Наконец, пятый принцип организации - определение гонорара по взаимному соглашению между адвокатом и клиентом - не включает в себе ничего такого, что могло бы составить противовес неблагоприятному влиянию других принципов. Совсем напротив. Свободное соглашение о вознаграждении само по себе является опасным принципом, так как дает широкий простор произволу адвокатов и ведет к торгашеству и вымогательству крупных гонораров. Если оно вообще может быть допущено в адвокатуре, то только с тем условием, чтобы сословие адвокатов отличилось высшей степенью деликатности и бескорыстия. Но так как совмещение правозаступничества с судебным представительством и отсутствие связи с магистратурой развивает в адвокатах как раз противоположные качества, то едва ли можно сомневаться, что договорное определение гонорара в состоянии сделать адвокатуру настоящим бичом для населения. Стремясь к наживе, адвокаты станут, с одной стороны, высасывать все соки из своих клиентов, а с другой, открыто предпочитать и держать сторону богатых тяжущихся, отказывая в своей помощи тем беднякам, чьи карманы недостаточно объемисты для удовлетворения их волчьих appetитов. Отправление правосудия очутится в таком же положении, в какое попало бы, например, лечение болезней, если бы врачам дано было право заключать с лицами, обращающимися к ним, предварительные условия о гонораре и отказывать в своей помощи тем, которые не в состоянии уплатить требуемой суммы денег. При таких обстоятельствах, половина бедняков умирала бы без медицинской помощи, а другая половина соглашалась бы отдавать врачам последнюю рубашку, чтобы только предотвратить их отказ. К аналогичным же результатам способно привести и отчасти уже приводит на западе Европы договорное определение гонорара в адвокатуре³. Сделавшись раболепной слугой богатых граждан, защищая их интересы своим продажным языком, адвокатура уподобится одной из египетских казней, с которыми ее не раз уже сравнивали писатели разных стран.

Таков путь, на котором находится в настоящее время русская присяжная

---

¹ См. «Организация адвокатуры», I, 342.

² См. «Организация адвокатуры», II, 164, 165.

³ См. «Организация адвокатуры», I, 281, 391; II, 88-91.

адвокатура, благодаря принципам своей организации. Совмещение правозаступничества с судебным представительством поставило наших адвокатов на наклонную плоскость; отсутствие связи с магистратурой сделало эту плоскость в высшей степени скользкой; свободное соглашение о гонораре вложило им в руки острое копьё; относительная свобода профессии со своей неразлучной спутницей - конкуренцией, уже появившейся в больших городах, даст первый сильный толчок, а сословная организация, представляющая собой цепь, посредством которой члены корпорации привязаны друг к другу, не только не в состоянии удержать сословие от падения, но, напротив, в тот момент, когда большинство членов, под влиянием полученного толчка, двинется вниз, она будет способствовать тому, чтобы падающие увлекли за собой всех остальных, еще стоявших твердо на вершине ската. И вот, подобно группе конькобежцев, стремглав спускающихся с ледяной горы, ринется адвокатское сословие с копьями наперевес по наклонной плоскости...

Но кто же встретит их у подножья горы, кто примет на свою грудь губительные удары их оружия?

Правосудие, государство и общество...

II.

Посмотрим теперь, не спасет ли адвокатуру от грозящей ей участи предполагаемая реформа. Познакомившись с проектом ее в том виде, как он проник в печать¹, можно убедиться, что все пять основных принципов оставляются им без изменения. Уже из этого видно, что никакого существенного влияния на будущее адвокатуры он не в силах оказать. Но, быть может, поправки, вносимые реформой в детали организации, отразятся благоприятным образом на положении сословия и значительно видоизменят действие основных принципов? Разберем их по порядку.

Прежде всего, несомненно, что такие меры, как уменьшение срока подготовки к адвокатуры в звании помощника присяжного поверенного на один год, повсеместное введение сословных учреждений и установление комплектов, обещанных в ст. 387 у.с.у., не могут иметь сколько-нибудь заметного влияния, так как представляют собой не более, как развитие основных принципов. Далее, запрещение условий относительно повышения или понижения гонорара в зависимости от исхода уголовного дела и пересмотр существующей таксы также не поставят преграды пагубному действию договорного определения гонорара. Остается, следовательно,

---

¹ См. «Юридическая газета», 1892, №№ 16, 18 и 22.

обратить внимание на четыре меры: 1) усиление контроля прокуратуры над деятельностью советов, 2) ограничение приема лиц нехристианских исповеданий в адвокатское сословие 10 процентами, 3) упорядочение подготовки к адвокатуре и 4) подчинение частной адвокатуры дисциплинарному надзору советов присяжных поверенных. Усиление контроля прокуратуры не представляет ручательства в том, что советы будут с надлежащей строгостью преследовать проступки адвокатов. В самом деле, если бы советы, действуя в качестве товарищеских судов чести, имели пред собой писанный дисциплинарный кодекс и применяли его к деяниям своих коллег подобно тому, как уголовный суд применяет уложение о наказаниях к преступлениям граждан, то надзор прокуратуры за правильным исполнением закона был бы целесообразен и полезен. Но советы не руководствуются в своих решениях никаким писанным кодексом; они судят адвокатов за действия, которые считают несоответствующими достоинству их звания, и которые не указаны ни в каком законе. Таким образом советы играют роль не только суда, но и законодателя: они не только карают за нарушение норм профессиональной этики, но и создают их, определяя наказание за каждый проступок. Теперь спрашивается, в состоянии ли вмешательство прокуратуры сделать эту законодательную деятельность советов более правильной и строгой?

Приняв во внимание, что, с одной стороны, прокуратура несколько не заинтересована в поддержании достоинства адвокатского сословия, что, с другой стороны, ее вмешательство, неприятное и обидное для советов, будет истолковываться ими в смысле несправедливых придинок постороннего органа власти, недружелюбно настроенного вследствие постоянных столкновений с адвокатами во время судебных заседаний, и что по этой причине советы станут в пику прокуратуре относиться снисходительно к обвиняемым ею коллегам, нельзя будет не признать контроля прокуратуры таким же непригодным средством для поднятия нравственности в среде адвокатского сословия, каким является и надзор судов. Строгое наблюдение посторонней власти за деятельностью присяжных поверенных может удержать их от грубых нарушений своих юридических обязанностей, от обмана клиентов, измены им, присвоения их денег и т.п. Но намереваться таким путем возвысить достоинство сословия, поддержать и развить в его членах нравственные качества, необходимые для безукоризненного адвоката, каковы строгая честность, непоколебимое мужество при защите чужих прав, великодушное бескорыстие и тонкая деликатность в денежных отношениях с клиентами, все равно, что ждать морального возрождения ссыльных поселенцев от учреждения над ними полицейского надзора.

Перейдем к ограничению числа адвокатов нехристиан... 10 процентами. Не рассматривая этой меры с принципиальной точки зрения, что сделано уже

нами в другом месте¹, мы взглянем только на те результаты, к которым она может привести на практике. Прежде всего, несомненно, что она уменьшит ежегодный прирост адвокатского сословия и уменьшит значительно... Вследствие этого, грозящая сословию опасность переполнения будет на время предотвращена и замедлена. Насколько продолжительным окажется действие этой предохранительной прививки, нельзя сказать, за неимением точных статистических данных ... Но нет сомнений, что она не более, как паллиатив, неспособный коренным образом излечить зло, и что в тот момент, когда сословие переполнится, она утратит все свое значение. Что касается, далее, упорядочения подготовки к адвокатуре, то оно принесет, конечно, благодетельные плоды. Но странно было бы ждать от него больших результатов, чем те, какие вообще в состоянии дать правильное применение принципа относительной свободы профессии, часть которого представляет надлежащая практическая подготовка. В самом деле, кто будет следить за деятельностью молодых юристов, готовящихся к адвокатуре и подавать им пример, кто станет внушать им правила профессии, кто будет нравственным руководителем их? Сословие практикующих адвокатов и его советы. Но каков поп, таков и приход. Может ли курица научить своих птенцов плавать, когда она сама не умеет держаться на поверхности воды? И кто станет учиться живописи у сапожника? Ввиду таких соображений, мы никак не можем разделить упование одного уважаемого автора, что «корпоративное устройство способно, хоть в отдаленном будущем, подготовить кадры честной адвокатуры, проникнутой сознанием своих высоких общественных задач»². Чтобы таким путем создать честную адвокатуру, нужно предварительно иметь ее: «от вороны не бывать синицам», говорит Шекспир. Из этого заколдованного круга можно найти выход только в коренной реформе адвокатуры на совершенно новых началах, изменяющих основной характер профессии и ставящих ее в иные, более благоприятные для развития и процветания условия деятельности.

Наконец, подчинение частной адвокатуры дисциплинарному надзору советов присяжных поверенных является в наших глазах мерой весьма сомнительного достоинства. Действительно, частные поверенные стоят особняком от присяжных, не образуют да и не могут образовать одного сословия с ними вследствие неодинакового умственного и нравственного ценза. Следовательно, советы присяжных поверенных будут для частной адвокатуры не органом самоуправления, а таким же посторонним

---

¹ «Организация адвокатуры», II, 211-213.

² Г.Д.Джаншиев. Ведение неправых дел, 1887, XXIII.

начальством, каким являются в настоящее время суды. Но, спрашивается, представляет ли дисциплинарный надзор советов больше гарантий беспристрастия и справедливости, чем контроль судов? Нисколько. Если, быть может, советы более заинтересованы в поддержании достоинства частной адвокатуры, чем суды, и с большей энергией возьмутся за дело, то от присяжных поверенных, заседающих в советах, трудно ждать такого нелицеприятного отношения к своим конкурентам - частным поверенным, которого несомненно в состоянии держаться судьи. Другими словами, дисциплинарный надзор советов обладает недостатком, противоположным тому, каким грешит контроль судов: место чисто формального, благодушно-снисходительного отношения займет преувеличенная строгость и придирчивость, частные поверенные уподобятся крыловским лягушкам, получившим в цари, не по своей, впрочем, просьбе, взамен неподвижного истукана - живого журавля. Но проект, предоставляя дисциплинарную власть советам, немедленно уничтожает все ее значение. Дело в том, что на приговоры советов частные поверенные могут подавать жалобы особому присутствию, состоящему из четырех членов суда. Вследствие этого, строгость советов будет парализована, и главный надзор останется в сущности за судами, которые в своих апелляционных решениях, стоя на почве точного закона, станут по прежнему преследовать только юридические проступки поверенных, оставляя безнаказанными нравственные и ограничиваться формальным отношением к делу. Изложенные соображения показывают, что подчинение частных поверенных дисциплинарной власти советов присяжной адвокатуры вряд ли приведет к значительно лучшим результатам, сравнительно с настоящим положением вещей.

Вот и все меры, предлагаемые проектом. Ни одна из них, как мы показали, не в состоянии сколько-нибудь заметным образом видоизменить общее действие основных принципов организации адвокатуры. Поэтому проектируемая реформа со своим частичным улучшением деталей так же мало способна спасти нашу адвокатуру от неминуемого падения, как соломинка удержать утопающего на поверхности воды.

III.

В таком свете представляется нам будущее русской адвокатуры. Нам могут заметить, что мы смотрим на него сквозь темные очки; что современное положение вещей обрисовано нами слишком мрачными красками; что мы придаем чересчур большое значение внешней организации профессии; что между русскими адвокатами есть немало лиц с твердыми нравственными принципами, которые не поддадутся влиянию даже самых

неблагоприятных условий профессиональной деятельности. Пусть так. Пусть мы преувеличили. Пусть опасность, грозящая русской адвокатуры, не столь велика и не так близка, как нам кажется. Но, спрашивается, можно ли по этой причине оставить без изменения те внешние условия, которые способны свратить с пути честного и бескорыстного служения обществу лиц, не обладающих характерами Аристиды и Катона? К чему подвергать жестокому испытанию их достоинства и нравственные убеждения? Самые ловкие эквилибристы не в силах долго удержаться на ледяной крутизне. И можно ли требовать большей устойчивости от обыкновенных людей, вступающих на скользкую стезю адвокатуры? Разве не было бы в тысячу раз полезней обставить профессию такими условиями, которые содействовали бы ее процветанию, а не тормозили его; возвышали бы адвокатуру во мнении общества, а не унижали; привлекали бы к занятию ею наиболее достойных лиц, а не отталкивали их, внушая чувство брезгливости; давали бы адвокатам возможность оставаться бескорыстными служителями правосудия и общества, помощниками суда, глашатаями научной истины, а не заставляли обращаться в ремесленных ходатаев и агентов частных лиц? Каковы эти условия, - здесь не место разбирать. Это сделано нами в специальном сочинении. В настоящей статье мы пытались только осветить факелом науки темную бездну, пересекающую тот путь, по которому идет русская адвокатура. До края роковой пропасти пока далеко; еще есть возможность свернуть на другую, более безопасную дорогу, и настоящее время представляется чрезвычайно удобным для коренной реформы. Русская адвокатура еще очень молода: она не дожила даже до тридцатилетнего юбилея, а молодое растение легче пересадить на новую почву, чем старое. Внешние условия деятельности еще не наложили неизгладимой печати на нравственный характер всех представителей профессии; злоупотребления и пороки не успели пустить глубоких корней и обратиться в стойкие традиции и обычаи; сословие далеко не переполнено, и сорные травы не настолько разрослись, чтобы заглушить молодые побеги честной адвокатуры; словом, недуг еще не запущен, а следовательно, излечим. Не надо только терять времени:

Огонь, пока он мал, задуть легко,
Но дай ему порядком разгореться,
Его не потушить тогда рекой.

(Шекспир)

Это должны помнить те, кому дорого будущее нашей адвокатуры.
Videant consules!